

На правах рукописи

Мостовая Вера Геннадиевна

ФУНКЦИЯ СЕНТЕНЦИЙ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2008

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук
Аза Алибековна Тахо-Годи

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Елена Васильевна Федорова
пенсионер

кандидат филологических наук
Ольга Владимировна Осипова
ФГОУ философский факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Ведущая организация: ФГОУ Институт восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного
университета

Защита состоится « » _____ 2008 г. в часов на заседании Диссертационного
Совета Д501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В.
Ломоносова по адресу 119991 ГСП-2, Москва, В-234, Ленинские горы, МГУ, 1-ый корпус
гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М. Горького
Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

Автореферат разослан « » _____ 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Савельева О.М.

Данная диссертация посвящена изучению функциональных особенностей употребления сентенций в гомеровском эпосе.

Актуальность исследования обусловлена тем, что эта тема до последнего времени оставалась мало изученной, хотя связь гомеровского стиля с риторикой и значимость для него сентенций отмечалась в науке неоднократно. Сентенции Гомера рассматривались в научной литературе в следующих аспектах: 1) как способ характеристики персонажей, 2) с точки зрения их грамматической и стилистической структуры, 3) с позиций социальной паремиологии¹. Однако в существующих немногочисленных исследованиях сентенции «Илиады» и «Одиссеи» рассматриваются вне зависимости от жанрово-стилистической природы произведения, что лишает интересные наблюдения и выводы необходимой полноты и оставляет открытым вопрос об особенностях употребления сентенций в эпической поэзии.

Целью работы явилось выявление закономерностей в употреблении сентенций в «Илиаде» и «Одиссее». В исследовании решаются следующие **задачи**:

1. разработка критериев для выделения сентенций в тексте гомеровских поэм;
2. определение метода для исследования всех контекстов, в которых встречаются сентенции;
3. выявление и объяснение сходства и различия в функциях сентенций в гомеровских поэмах.

Материалом исследования послужили сентенции «Илиады» и «Одиссеи» в полном объеме.² **Научная новизна** работы заключается не только в том, что в ней впервые в отечественном литературоведении сентенции Гомера становятся предметом исследования, но и в том, что в отличие от наших зарубежных предшественников мы рассматриваем сентенции «Илиады» и «Одиссеи» в функциональном аспекте и для анализа способов употребления сентенций в «Илиаде» и «Одиссее» привлекаем такие три определяющие характеристики гомеровского эпоса, как жанр, стиль и сюжет.

Научно-практическая значимость работы. Результаты исследования могут использоваться:

1. при дальнейшем изучении эпического стиля Гомера;

¹ Stickney E. Les sentences dans la poésie grecque d'Homère à Euripide. Paris, 1903; Ahrens E. Gnomon in griechischer Dichtung (Homer, Hesiod, Aeschylus). Diss. Halle, 1937; Lardinois A. Wisdom in Context: the Use of Gnomonic Statements in Archaic Greek Poetry. Ph. D. diss. Princeton University, 1995

² В работе Е. Стикни рассматриваются лишь сентенции, встречающиеся в некоторых эпизодах «Илиады» и «Одиссеи», у Е. Аренса – 231 сентенция; наиболее полный список сентенций А. Ларденуа мы дополнили 6 сентенциями для «Илиады» и 8 сентенциями для «Одиссеи».

2. при анализе употребления сентенций в других произведениях эпического жанра;
3. в лекционных курсах и на семинарских занятиях, посвященных античной литературе и риторике.

Метод исследования основан на достижениях отечественного литературоведения и классической филологии в области изучения поэтики художественного произведения и базируется на трудах М.М. Бахтина, М.Л. Гаспарова, А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи, Т.Ф. Теперик, Б.В. Томашевского и др.

Апробация работы. Результаты работы были представлены в качестве докладов на конференциях «Ломоносовские чтения» (МГУ, 2003), «Чтения памяти С.В. Семчинского» (Киевский Государственный Университет, 2006), «Сергеевские чтения» (МГУ, 2007), на конференции Античной комиссии Совета истории мировой культуры при Президиуме РАН «От Гомера до Нонна» (Дом А.Ф. Лосева, 2007), «VI Андреевские чтения» (УРАО, 2008), на заседании кафедры классической филологии (МГУ, 2006), а также в виде публикаций в различных изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, четырех приложений и библиографии.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, научная новизна исследования, формулируются цели и задачи исследования, дается обзор литературы по вопросу и определяются методологические принципы исследования.

Поскольку перед нами стояла задача описать функции 244 сентенций в гомеровском тексте, прежде всего, следовало определить критерии для классификации тех контекстов, в которых они встречаются. А. Ларденуа структурировал гомеровские сентенции по типу речей, в которых они произносятся, потому что этого исследователя интересовал социальный контекст в употреблении сентенций (т.е. отношения между говорящим и адресатом), а не роль сентенции в речах.³ Иной критерий применен Т.Ф. Теперик в диссертации «Функция сентенций в трагедиях Софокла»: при анализе материала исследователь использовала схему сюжетного деления трагедии на три элемента: эпический, лирический и драматический, предложенную М.Л. Гаспаровым.⁴ К эпическому тексту эта схема без изменений оказывается неприменимой, поскольку эпос и драма принципиально различны в жанровом плане.

Одним из широко обсуждаемых вопросов гомероведения является вопрос о композиции «Илиады» и «Одиссеи». Сторонники как устного, так и письменного

³ А.Ларденуа. Указ.соч., стр. 3

⁴ Теперик Т.Ф. Функция сентенций в трагедиях Софокла. Авторферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. наук. М., 1984 – с. 19

происхождения эпоса признают наличие неких воспроизводимых элементов или ситуаций в структуре эпического текста.⁵ Для того чтобы многообразие ситуаций не размыло общую картину, мы используем термин формальной школы, предложенный Б.В. Томашевским, «сюжетная ситуация».⁶ Здесь подразумевается элемент повествования, который влияет на развитие действия и характеризуется определенным расположением персонажей.

Исходя из темы, объявленной в зачине поэмы, в «Илиаде» выделяются две группы базовых сюжетных ситуаций: «Битвы» (или группа А) и «Между битвами» (или группа В). Сюжет «Одиссеи» также состоит из базовых сюжетных ситуаций двух типов, связанных с темой произведения: «Пребывание героя на родине» (А) и «Пребывание героя на чужбине» (В).

Базовые типы сюжетных ситуаций не однородны: базовая группа сюжетных ситуаций «Илиады» «Битвы» реализуется в пяти вариантах: 1) поединки; 2) герои оказываются в неравном положении на поле боя; 3) герой покидает поле боя; 4) наступление; 5) битвы. Базовая группа сюжетных ситуаций «Между битвами» представлена такими ситуациями, как: 1) совет вождей, народное собрание; 2) приход вестника, посольство, договоры; 3) разговоры воинов; 4) состязания; 5) семейные разговоры; 6) оплакивание; 7) собрания богов на Олимпе; 8) разговоры богов вне Олимпа.

Базовая сюжетная ситуация «Одиссеи» «Пребывание героя на родине» состоит из ситуаций: 1) встреча гостя; 2) пир; 3) сборы в дорогу; 4) обсуждение планов; 5) состязание, битва; 6) сон; 7) узнавание; 8) народное собрание. В базовой сюжетной ситуации «Пребывание героя на чужбине» повторяются первые шесть ситуаций предыдущей группы, но есть и свойственный только ей седьмой вариант ситуации: приход вестника. Итак, в авантюрно-приключенческой «Одиссее» мы наблюдаем несколько иную картину по сравнению с героической «Илиадой». В «Одиссее» состав базовых сюжетных ситуаций более однороден, но они различаются между собой по своим функциям в сюжете: в то время как в ситуации «Пребывание героя на родине» герои стараются восстановить *status quo*, в ситуации «Пребывание героя на чужбине» цель Одиссея – возвращение домой, цель Телемаха – сбор сведений об отце. Поэтому изучение

⁵ West M.L. Prolegomena // Hesiod. Works and Days. P. 1 – 91; Lohmann D. Die Komposition der Reden in der Ilias. Berlin, 1970

⁶ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2001, стр. 180, См. также Михайлов П., Михайловский Б. Сюжет // Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М.], 1929–1939. Т. 11. – М.: Худож. лит., 1939. – Стб. 140–151

функции сентенций должно производиться с учетом ситуации употребления и ее связи с сюжетом каждой поэмы.

Поскольку в современном научном обиходе сосуществуют два термина: «гнома» и «сентенция», **первая глава диссертации** посвящена истории этих терминов в античной и современной литературной теории. Материалом для исследования послужили риторика Аристотеля, Деметрия, Гермогена, «Риторика для Геренния» неизвестного автора и «Образование оратора» Квинтилиана, а также современные отечественные и зарубежные словари по теории литературы.

Впервые как термин слово γνῶμη засвидетельствовано в «Риторике» Аристотеля. Этому термину посвящена 21 глава II-ой книги, в которой Аристотель дает определение гномы и называет различные виды гномических высказываний. Он пишет, что gnēmē – это «утверждение, которое относится не к отдельным случаям..., но имеет общее значение, касается ...того, вокруг чего вращаются житейские дела; [она имеет в виду то], что можно избирать и чего должно избегать в своей деятельности».⁷

Главным образом, Аристотеля интересуют способы употреблений гномических высказываний и цели, которых может при этом достичь оратор, поэтому ему приходится остановиться на видах изречений и различиях в их употреблении. В этой же главе к гномам причисляются и изречения-загадки, и поговорки, но критерии, позволяющие сделать такое сближение, специально не оговариваются, и это представляет определенную проблему. Ведь в то время как изречения являются синтаксически законченными высказываниями, поговорки и загадки, которые приводит в качестве примеров Аристотель, самостоятельными предложениями не являются.

Особенность Аристотелевского подхода заключается в том, что терминологически значимым в отнесении того или иного высказывания к гномам является не формальный и «не содержательный момент высказывания, а его функциональная сторона», а именно – способность играть роль средства убеждения.⁸

Аристотель обобщает накопленный практикующими и преподающими риториками опыт и поднимается над уровнем решения частных проблем, стоящих перед оратором. Он строит риторическую систему как метод достижения определенной цели – убеждения слушателя и распределил виды убеждения речью следующим образом: «одни находятся в

⁷ Аристотель. Риторика. Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. Под ред. АА. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978, стр.106

⁸ Теперик Т.Ф. Терминологический характер слова gnōmē «Риторике» Аристотеля // Античная культура и современная наука. – М.: «Наука», 1985 – с.160

зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании» (1356 а).⁹ Аристотель не отказывается от рассмотрения способов убеждения *ad hominem* и от говорящего, но ставит их в зависимость от главного способа, базирующегося на построении вероятных умозаключений.

Перипатетическая риторическая теория развивается в трактате Деметрия «О стиле» (ок. I в н.э.), где дается характеристика четырех стилей речи: простого, величественного, изящного и мощного. В разделе о риторических приемах, способствующих созданию величавого стиля речи, Деметрий останавливается на случаях употребления высказываний с общим значением. На эти рассуждения его наводит необходимость описать различные виды эпифонемы - концовки. Когда Деметрий говорит об особой концовке речи и определяет эпифонему как украшающий оборот, способствующий величавости, то в качестве примеров приводит одну цитату из Гомера и одну – из Сапфо.

Поскольку Деметрий приводит два различных варианта эпифонемы, один из которых сентенция (цитата из Гомера), а другой таковой не является, то последующими разъяснениями он подчеркивает, что его интересует именно роль высказывания в речи, а не форма. Деметрий отграничивает эпифонему, завершающую речь с целью украшения, от двух других типов высказываний, которые читатель мог бы принять за эпифонему. Первый тип – это энтимема или логический силлогизм, которая употребляется для доказательства; то есть хотя она, как и эпифонема, может стоять в конце речи, *функция* ее иная. Второй тип сходных по форме высказываний – это гнома, которая употребляется в начале речи. Хотя Деметрий и не дает определения гномы, ясно, что он заговорил о ней потому, что с эпифонемой из его примера гному сближает обобщенная форма высказывания.

Иными словами, решающим фактором в терминологии Деметрия, в большей степени, чем у Аристотеля, является *функция* того или иного высказывания, а не его форма. Но, поскольку в отличие от Аристотеля Деметрий рассматривает не средства убеждения, а различные способы придания речи нужной стилистической окраски, его теория строится на основании иных критериев, и то, что у Аристотеля составляло сущность одного понятия, у Деметрия оказывается разведено по разным категориям.

Риторический трактат Гермогена «Об идеях» (II–III вв. н. э.) говорит о различных качествах речи, влияющих на стиль. Хотя Гермоген идет по пути, отличному от метода Деметрия, высказывания с общим значением он также рассматривает в разделе,

⁹ Аристотель. Указ.соч. Стр.19

посвященном величавости (6 глава I книги). Как он пишет, «наиболее величавы те мысли (σεννοία), что высказываются о богах как о богах», «вторые по величавости мысли – это о богах как, по существу, о вещах», а мыслями «третьей степени величавости» он считает те, «что относятся к вещам, по природе божественным, но которые по большей части наблюдаются среди людей», или «все, что говорится о вещах в целом или в родовом смысле».¹⁰

На основании этих цитат можно заключить, что ценностная иерархия Гермогена в данном случае основана на содержании (чего не было у Деметрия) и критерий обобщенности мысли является ее следствием, в то время как Аристотель начинает именно с формы и лишь затем касается содержания, вовсе не разбивая его на тематические группы. Хотя Гермоген не употребляет в данном случае аристотелевского термина *gnèmh*, а пользуется словом *σεννοία*, его определение мыслей «третьей степени величавости» соответствует определению *gnèmh* у Аристотеля. Можно предположить, что он заменяет существующий термин синонимом потому, что как термин слово *gnèmh* употреблялось в том значении, в котором оно встречается у Деметрия, то есть для обозначения общей мысли, предваряющей речь.

Существенным отличием теории как Гермогена, так и Деметрия от теории Аристотеля является акцент на эстетическом эффекте речи, на возникающем у слушателей впечатлении красоты. Это отразилось на той роли, которую отводили поздние теоретики ораторской прозы высказываниям с общим значением, а именно – на создании эффекта величавости, то время как для Аристотеля основной функцией таких высказываний являлась функция убеждения, поскольку речь он считал инструментом познания и вследствие этого чувства слушателя ставил на второе место.

В римской риторической теории определение сентенции встречается в двух риторических трактатах: В «Риторике для Геренния» и в «Образовании оратора» Квинтилиана. Если неизвестный автор «Риторики», школьного учебника, в разделе о сентенции практически дословно переводит аристотелевское определение гномы, то Квинтилиан подходит к вопросу об употреблении сентенций в ораторской речи совершенно по-другому.

Термину «сентенция» посвящены первые 34 параграфа 5-ой главы VIII-ой книги трактата «Образование оратора». Квинтилиан пишет, что одно из значений слова сентенция является переводом греческого термина *gnèmh* и обозначает общезначимое изречение (*vox universalis*), и это изречение хорошо употребить перед изложением

¹⁰ Гермоген. Об идеях, или видах слога. Книга I Пер. Т.В. Васильевой // Вопросы классической филологии. DZETEMATA. Вып. 8, М.: Изд-во МГУ, 1984, стр.106–108.

вопроса (VIII.5.3). И это лишь одна из возможных функций сентенции. Сентенция может быть частью энтимемы, началом или клаузулой эпихиремы, а также использоваться как восклицание или эпифонема (VIII.5.4). Полифункциональность сентенции Квинтилиан связывает с вариативностью ее структуры. Он выделяет сентенции простые и те, которые снабжены пояснением, а также двойные сентенции, описывающие противоположные явления (VIII.5.4). Квинтилиан полагает, что можно найти столько видов сентенций, сколько существует фигур: вопрос, сравнение, отрицание, уподобление, противопоставление и т. д. (VIII.5.5)

Риторический вопрос «Какое такое преступление в употреблении хорошей сентенции? Разве она не помогает в изложении дела? Не волнует судью? не рекомендует говорящего?»¹¹ (VIII.5.32) показывает, какими средствами располагает оратор: это воздействие на чувства слушателя и создание образа говорящего. Именно в этом смысле сентенция помогает изложению дела. По сравнению с Аристотелем Квинтилиан, как и другие представители эллинистическо-римской риторической школы, существенно смещает акценты, ведь для Аристотеля на первом месте стояла способность сентенции убеждать, апеллируя к разуму, поскольку сентенция выражает некие общие истины и положения.

Как иллюстрацию к своим положениям Квинтилиан приводит 19 высказываний о частном и 14 высказываний с общим значением. Возникает вопрос, какие у него были основания для смешения этих двух типов. И здесь обнаруживается определенная закономерность: когда Квинтилиан определяет сущность сентенции, то он иллюстрирует свои теоретические положения только высказываниями с общим значением. Что же их объединяет с высказываниями о частном? Сам Квинтилиан отмечает меткость, остроту приводимых примеров, следовательно, это то качество сентенции, которое не было отражено в определении. Помимо этого, за высказываниями о частном может подразумеваться нечто более общее. Так, в истории о придворном Александра, которого подговаривали погубить царя, устроив пожар в Вавилоне, царедворец отвечает: «Я подожгу Александра, и на это будут смотреть с крыши?» (VIII.5.24), и его ответ подчеркивает мерзость предложения, которая всем очевидна. То есть такие высказывания вскрывают общие моральные принципы и в этом смысле являются *vox universalis*. Именно это качество подобных высказываний позволяет Квинтилиану, описывая различные случаи употребления сентенций, прибегать к высказываниям разного характера.

¹¹ Здесь и далее перевод наш по изданию M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim. Vols. 1–2, ed. M. Winterbottom, 1970

Изменение содержания термина *gnèmh* в античной риторике отражает развитие риторической науки. Если у Аристотеля, который центральное место в риторике уделял логическим способам доказательства, *gnèmh* в первую очередь относилась к логическим средствам убеждения, то у поздних авторов, уделявших гораздо большее внимание проблемам стиля и композиции, *gnèmh* приобретает эстетическую и композиционную значимость и является признаком возвышенного стиля. При этом высказывания с общим значением относятся к разным риторическим приемам в зависимости от разницы в их функции.

В свою очередь, в римской риторической теории термин «сентенция» не столько изменял, сколько расширял сферу значений. Это связано с тем, что в римской риторике превалировал формальный критерий – определение сентенции как общезначимого утверждения. Формальный подход позволил римским риторам объединять в рамках одного риторического приема высказывания сходные по форме, но выполняющие разные функции в речи.

Мы можем также сказать, что эти два принципа – формальный, которого придерживались римские теоретики красноречия, и функциональный, который доминировал в греческой теории при определении рассмотренных нами терминов, – проявились в том, что высказывания, не являющиеся высказываниями об общем, рассматривались как примеры гномы и сентенции. Это следует из того, что Аристотель видел в изречениях-загадках и поговорках тот же риторический прием, что и в гноме, поскольку они, обобщая ситуацию, могли использоваться в качестве средства убеждения. В свою очередь Квинтилиан, делая акцент на форме высказывания и на эстетической значимости сентенции, относил к сентенциям удачно выраженную мысль, пусть даже частного характера, благодаря достоинствам ее словесного выражения.

Разнообразие определений в современной теории (мы рассмотрели 5 зарубежных и 5 отечественных словарей), имеет, как мы показали в этой главе, историческое объяснение: термин «сентенция» пришел в современные языки из римской риторической теории, где первоначально служил переводом греческого термина *gnèmh*. Однако и термин *gnèmh* не воспринимался одинаково в различных греческих риториках, и термин «сентенция» расширял свое значение, вследствие чего на современном этапе оказались возможны разные толкования их содержания.

В связи с разнообразием подходов к определению сущности термина «сентенция» или «гнома» возникает необходимость в ясной формулировке критериев для выделения сентенций в тексте гомеровских поэм. Этому вопросу посвящен **первый параграф второй главы**.

Как теоретические, так и практические – т.е. посвященные сентенциям в творчестве отдельных авторов – работы демонстрируют, что наиболее четким критерием для отнесения того или иного высказывания к сентенциям является формальный критерий. Таким образом, сентенция понимается нами как высказывание об общем, а не о частном. На основании этого критерия мы выделяем 109 сентенций в «Илиаде» и 135 в «Одиссее».

Анализ функций сентенций «Илиады», которому посвящены **второй–четвертый** параграфы **второй главы** диссертации, предварен подробным описанием распределения сентенций по песням и персонажам, а материал структурирован сообразно принадлежности к тому или иному типу сюжетных ситуаций и внутри каждого типа – по функциям.

В сюжетных ситуациях «Битвы» (группа А) сентенции встречаются 38 раз, в том числе 3 раза в речи повествователя. Абсолютное большинство сентенций (20) относится к центральной ситуации этой группы – «Поединок»; 9 сентенций связаны с ситуацией «Наступление», в прочих ситуациях количество сентенций колеблется от 2 до 4. Речи гомеровских героев, которые они произносят во время битвы, разнообразны, например, обмен оскорблениями с противником перед битвой, обсуждение с соратниками плана действий, речь-ободрение войска или обвинение в нерадивом отношении к битве etc. Каждая речь имеет свою определенную цель, которая обуславливает роль сентенции. Сентенциям группы А свойственно три функции: 1) средство убеждения (20 сентенций), 2) средство эмоционального воздействия (12) и 3) комментарий (5).

Сентенция как средство убеждения является многоплановым приемом. Все сентенции, встречающиеся в этом качестве в группе А, можно классифицировать сообразно целям, с которыми они произносятся. Таким образом, сентенции как средство убеждения употребляются как:

- 1) *мотивировка совета*. Так, Нестор убеждает Диомеда повернуть коней к кораблям, когда перед их колесницей упала молния, мотивируя свой совет тем, что «даже очень сильный муж не может избежать замыслов Зевса, потому что тот гораздо сильнее» (VIII.143).
- 2) *мотивировка предложения*. Эней, видя что некий герой (а это был Диомед) истребляет троянцев и их союзников, предлагает Пандару сразить его из лука, если только перед ними не бог, и сентенция объясняет это ограничение (V.178).
- 3) *мотивировка просьбы*. Идомей просит Нестора покинуть битву и прийти на помощь раненному Махаону. Он подкрепляет свою просьбу рассуждением о том, что «врач стоит многих других...» (XI.514).

- 4) *мотивировка возражения*. Когда Пулидамас просит Гектора прекратить наступление, потому что Зевс послал им неблагоприятное знамение, Гектор категорически возражает против отступления, и мотивирует это общим рассуждением «Одно знамение лучшее – сражаться за отечество» (XII.243).
 - 5) *мотивировка оправдания*. Парис, в ответ на упреки Гектора в недостаточном рвении в бою, оправдывается при помощи сентенции, говорящей о том, что «Выше сил невозможно сражаться, даже желая» (XIII.787).
 - 6) *мотивировка приказа*. Аполлон приказывает Диомеду отступить и не идти против богов и подкрепляет свой приказ сентенцией о неравенстве богов и людей (V.441).
 - 7) *оценка*. Когда Менелай просит у Зевса помощи в сражении и обращается к нему с вопросом, почему тот милостив к троянцам, ненасытным в сражениях, то дает своим соперникам крайне отрицательную характеристику. «От всего наступает чувство сытости: и от сна, и от любви, и от сладкой песни, и прекрасной пляски; и всякий желает насытиться ими, но не войной» (XIII.636).
 - 8) *основание для дальнейших действий героя*. Когда герой остается один на один с превосходящим его по количеству и по силам врагом, он принимает решение о том, продолжать ли ему бой или отступить. Одиссей в подобной ситуации остается, руководствуясь соображениями о том, что отступить может только трус (XI.408).
 - 9) *ободрение*. Аякс в битве у кораблей, где он показан как основной защитник судов, возбуждает дух у сражающихся воинов, убеждает их стоять и не отступать, поощряя воинов: «Люди, берегущие свою честь, чаще остаются в живых, чем гибнут, к беглецам же не приходит ни слава, ни помощь» (XV.563).
- Употребление сентенция как средства эмоционального воздействия продиктовано стремлением повлиять на действия слушателя не на логическом уровне, а на уровне эмоциональном: так воинов рвущихся в бой вожди раззадоривают еще сильнее, а враги желающие сразиться на поединке, осыпают друг друга оскорблениями. В этой роли сентенция употребляется в трех вариантах:
- 1) *для оскорбления соперника*. Диомед кричит ранившему его в руку Парису: «Ведь тупа стрела у мужа слабого и ничтожного» (XI.390).
 - 2) *для распаления собственного боевого духа*. Ахилл похваляясь победой над Астеропеем, кичившимся происхождением от реки Аксия, превозносит себя через родство с Зевсом: «Невозможно сражаться с Кронионом Зевсом» (XXI.193).

3) для ободрения соратников. После того, как троянцы нарушили клятвы, Агамемнон строит войска на битву и внушает им уверенность в победе: «Зевс не будет защитником лжецов» (IV.235).

Сентенция в роли *комментария* встречается как в речи персонажей, так и в речи повествователя. Ее роль - прояснение того, о чем говорится в настоящий момент. Если это сентенция повествователя, то она призвана объяснить поведение героя или сложившуюся обстановку. Так объясняется, почему быстроногий Ахилл не мог убежать от преследующего его бога реки Скамандра (XXI.264). В речи персонажа сентенции в этой роли употребляются для *прояснения позиции* или поступка: Гектор, соглашаясь на прекращение поединка с Аяксом, говорит, что это делает, потому что нужен ночной отдых (VII.293).

Именно в сюжетной ситуации «Поединок» можно наблюдать, как в речи персонажей проявляются все три выделенные нами функции сентенций в их различных модификациях. Эта особенность употребления сентенций в данной сюжетной ситуации связана с тем, что основным ядром ситуации «Битва» является ситуация «Поединок», в которой герои проявляют свою главную военную доблесть. Разнообразие функций сентенции в данном случае обусловлено не только тем, что поединок сопровождается ритуальным обменом речами до и после него, но и тем, что в поединок могут вмешиваться другие герои, подавая совет или возбуждая героев на бой.

Более мелкие ситуации группы В («Между битвами») гораздо разнообразней, чем соответствующие ситуации группы А. Большая часть разговоров проходит в советах, собраниях и при переговорах, в разговорах с друзьями и родными. 71 сентенция, которые здесь встречаются, употребляются в следующих функциях: 1) как *средство убеждения*; 2) для *выражения позиции говорящего* (особенно при согласии); 3) как *умозаключение* из некоей ситуации; 4) как *дидактический прием*; 5) для *выражения чувств* говорящего (сожаления или благодарности). Большинство сентенций используется в качестве средства убеждения – 55. 7 служат для выражения позиции, 4 сентенции употреблены в качестве вывода из ситуации, 4 связаны с выражением чувств и воздействием на эмоции слушателя и 1 сентенция исполняет роль дидактического приема. Этот факт объясняется тем, что основное содержание общения воинов между битвами связано с методом ведения войны и попыткой изменить в лучшую сторону создавшееся положение. Отсюда сентенция и получает свою основную функцию – *средство убеждения*. Поскольку как суждение, поданное в обобщенной форме, сентенция имеет вид всеобщего закона, то и различные советы, предложения, приказы etc., подкрепленные сентенцией, приобретают большой вес.

В сюжетных ситуациях «Между битвами» сентенция как средство убеждения может выступать в 12 вариантах. Шесть из них совпадают с теми, что встречаются в ситуациях группы А: это 1) *мотивировка совета*; 2) *мотивировка предложения*; 3) *мотивировка просьб*; 4) *мотивировка возражения*; 5) *мотивировка оправдания*; 6) *оценка*.

Варианты функции «средство убеждения», которые встречаются только в ситуациях группы В следующие:

7) *мотивировка принятого решения*. Агамемнон, несмотря на то, что Ахилл сильно на него разгневан, решил послать к Ахиллу посольство с дарами. Свое решение он мотивирует тем, что надеется на примирение, поскольку «только Аида нельзя ни тронуть, ни умолить, поэтому он у людей и самый враждебный (ненавидимый) из всех богов» (IX.158).

8) *мотивировка покаяния*. Агамемнон в собрании старейшин признает свою вину перед Ахиллом, потому что «многих народов стоит муж, любимый Зевсом» (IX.116).

9) *мотивировка приказа, требования*. Менелай принимает вызов Париса сразиться на поединке, однако хочет, чтобы перед тем клятву принес именно Приам, а не Парис или Гектор, поскольку «умы молодых людей всегда ветрены, старик, будучи с ними, одновременно смотрит вперед и назад, чтобы вышло как можно лучше для обеих сторон» (III.108.).

10) *мотивировка согласия*. Агамемнон соглашается на временное перемирие с троянцами ради погребения умерших, так как считает, что «никакой скупости по отношению к мертвым быть не может...» (VII.409)

11) *мотивировка утешения*. Ахилл, изумленный появлением плачущего Приама в своей палатке и тронутый его речью и слезами, плачет сам, вспоминая отца и погибшего Патрокла; он утешает Приама и просит его не плакать, так как «ни к чему не приводит холодный плач – так ведь назначили боги несчастным смертным жить в страданиях, а сами они беззаботны» (XXIV.524).

12) *мотивировка обвинения*. Аполлон в собрании богов обвиняет Ахилла в жестокости и отсутствии стыда из-за того, что он надругается над телом Гектора, печалась о погибшем друге. В своей речи Аполлон говорит о том, что люди находят утешение, оплакав и более близких, и что Ахилл тоже должен так поступить, потому что «Мойры дали людям стойкий дух» (XXIV.49).

Сентенция в «Илиаде» сопутствует выражению чувств, которые испытывает в определенный момент герой. В данном случае это не средство убеждения, а средство выражения состояния героя. Так, Посейдон благодарит Ириду за хороший совет, говоря, что это «хорошо, если вестник разумен» (XV.207).

Как дидактический прием предложение использует Нестор; обучая сына тонкостям мастерства возницы, он говорит, что только расчетом можно взять верх над соперником. (XXIII.315).

Предложение употребляется для выражения позиции говорящего. Ахилл соглашается с повелением Афины не нападать на Агамемнона, потому что считает, что боги прислушиваются к тому, кто им послушен (I.218).

Также предложение может служить обобщенным умозаключением из некоей ситуации. Когда Ахилл пытается обнять душу Патрокла и ему не удается этого сделать, он приходит к выводу о том, что «есть в доме Аида некая душа и образ, но нет у них тела» (XXIII.102).

В пятом параграфе второй главы рассматриваются случаи повторов предложений в «Илиаде». Вопрос об употреблении повторов очень важен, он рассматривается в науке в связи с проблемой происхождения гомеровского эпоса, так как повторы и формулы восходят к фольклорному наследию. В «Илиаде» встречается 7 повторяющихся предложений¹². Они воспроизводятся всегда в сюжетных ситуациях одной группы, однако только в одном случае мы можем отметить полное совпадение функции у таких предложений (V.531 = XV.563). В остальных случаях, даже когда предложение сохраняет за собой роль средства убеждения, она может быть употреблена в разных его проявлениях. И кроме того, при повторе предложения возможно изменение стилистической окраски – от серьезной к иронической (XIII.115 = XV.203).

Итак, в батальных сценах встречается чуть больше трети всех предложений «Илиады» (38), при том, что общее соотношение объема групп «Битвы» и «Между битвами» обратное: две трети поэмы уделены именно описаниям битв. С точки зрения функций предложений группа В также более разнообразна, чем группа А. В группе В мы выделили такие функции предложений, как: 1) средство убеждения; 2) выражение позиции говорящего (особенно при согласии); 3) выражение умозаключения из некоей ситуации; 4) дидактический прием; 5) выражения чувств говорящего (сожаления или благодарности). В группе А их всего три: 1) средство убеждения; 2) эмоциональное воздействие; 3) комментарий.

Кроме того, в группе В предложение как средство убеждения может выступать в 12 качествах, а в группе А предложение как средство убеждения представлена 8 вариантами. Несомненно, большее разнообразие как функций, так и их модификаций связано, во-

¹² V.531 = XV.563, XI.801 = XVI.43 = XVIII.201, XI.793 = XV.404, VII.282 = VII.293, XIII.115 = XV.203, XVII.32 = XX.198 и XVI.688 = XVII.176.

первых, с большим количеством предложений, представленных в соответствующих группах, а во-вторых, с характером сюжетных ситуаций, в которых они присутствуют. Советы вождей, народные собрания требуют большей словесной изощренности, чем битвы. Кроме того, на представленную нами картину распределения предложений по сюжетным ситуациям влияют и характеры героев, как говорящих, так и выслушивающих. Одиссей, который активно влияет своими советами на дальнейшее развитие действия во время различных собраний, значительную часть предложений произносит при переговорах с Ахиллом и только одну – на поле боя, причем, что характерно для этого героя, в момент принятия решения.

В **третьей главе** рассматриваются функции предложений «Одиссеи». Как и во второй главе анализ функций предложений поэмы предварен подробным описанием распределения предложений по песням и персонажам (параграфы первый – второй), а материал структурирован сообразно принадлежности к тому или иному типу сюжетных ситуаций и внутри каждого типа – по функциям (параграфы третий – четвертый).

Анализ 135 предложений показал, что в сюжетных ситуациях «Пребывание героя на родине» (группа А) и «Пребывание героя на чужбине» (группа В) употребляется практически равное количество предложений (67 для группы А и 66 для группы В), хотя объем ситуаций, относящихся к типу «Пребывание героя на родине», несколько больше. Следует заметить, что при этом внесюжетные ситуации, которые встречаются в «Одиссее» и в которых мы встречаем предложения, возникают по ходу развития второго типа ситуаций. Однородность состава базовых типов ситуаций определила сходство функций предложений, которые в них встречаются. Предложение в обоих типах сюжетных ситуаций выполняет по восемь функций: 1) средство убеждения – 37 и 30; 2-3) прояснение собственной позиции, необходимое для ясности речи и комментариев к чужим поступкам – 19 и 27; 4) выражение чувства – 3 и 1; 5) композиционный прием – 3 и 3; 6) выражение насмешки, оскорбления – 2 и 1; 7) дидактическая функция – 1 и 2; 8) резюмирующая функция – 1 и 2.

В сюжетных ситуациях группы А и В предложение в качестве средства убеждения может выступать как:

1) *мотивировка поступка, позиции героя*. Так Одиссей, решая вместе с Евмеем заходить ли им в дом, где пируют женихи, вместе или порознь, предлагает Евмею зайти одному, чтобы его не бранили за нового нахлебника. Поскольку Одиссей больше боится за Евмея, чем за себя, он поясняет это предложением, говорящей, что нет ничего страшнее голода, а ко всему остальному можно притерпеться (XVII. 286).

2) *мотивировка приказа или требования*. Когда Пенелопа требует, чтобы женихи покинули ее дом и сватались бы к ней по обычаю, Антиной ей отказывает, но требует, чтобы она приняла их подарки, и объясняет свое требование сентенцией «Нехорошо отвергать подарки» (XVIII.287).

3) *мотивировка совета*. Афина советует выспаться перед тяжелым днем Одиссею, который не может уснуть, терзаемый раздумьями, как ему одному справиться с таким количеством врагов и потом избежать неприятных последствий, потому что «тяжело, всю ночь бодрствуя, нести стражу» (XX.52).

4) *мотивировка предложения*. Вестник Медонт просит женихов оторваться от игр зовет их к столу, потому что «Совсем не плохо вовремя сесть за обед» (XVII.176).

5) *мотивировка просьбы*. Во время разговора с Пенелопой Одиссей, которого она не узнает, пока он выглядит как нищий, просит Пенелопу не расспрашивать его о доме, потому что от грустных воспоминаний у него наворачиваются на глаза слезы, а он не может позволить себе плакать в чужом доме. Просьбу он сопровождает сентенцией «плакать беспрерывно – дурно» (XIX.120).

6) *мотивировка отказа*. Телемах, вернувшись из путешествия, приходит первым делом к Евмею и встречает там нищего. Евмей просит принять странника под свое покровительство, но Телемах отказывается. Не зная, кто перед ним, он говорит, что не позволит страннику идти в город, потому что боится, что не сможет защитить его от женихов, так как «Тяжело совладать со многими даже сильному мужу, потому что они гораздо сильнее» (XVI.88)

7) *мотивировка возражения*. Евримах на собрании итакийцев выступает с резким возражением Алиферсу, который пытается усмирить дерзких женихов Пенелопы, по полету птиц предрекая близкое возвращение Одиссея и расправу над женихами. Евримах на это отвечает, что «Много птиц летает в лучах солнца, но не все вещие» (II.181).

Особые случаи реализации функции убеждения у сентенций в группе А:

8) *мотивировка недоверия, сомнения*. Пенелопа рассказывает страннику свой сон, в котором орел нападает на ее любимых гусей и просит не горевать, потому что гуси – это женихи, а орел – сам Одиссей, который скоро вернется домой и расправится с женихами. И хотя значение сна прозрачно, она сомневается в его истинности, так как «бывают сны невероятные и пустые, и не все сбывается у людей» (XIX.560).

Особые случаи реализации функции убеждения у сентенций в группе В:

9) *аргумент обвинения*. Пока Телемах гостит у Менелая, Пенелопа узнает от Медонта о заговоре женихов против сына. Она выходит к ним в залу и обвиняет в нечестии: «Нечестиво замышлять друг другу беды» (XVI.423).

В ситуации В возрастает роль сентенции как способа прояснения собственной позиции и как комментария к чужим поступкам, необходимое для ясности речи. Это связано с тем, что в ситуациях группы В «Пребывание героя на чужбине» персонаж оказывается в более благоприятной атмосфере, и потому, в этой ситуации чаще рассказываются истории о прошедших событиях, которые герои снабжают различными комментариями. Так, с помощью сентенции в рассказе на пиру у Алкиноя Одиссей объясняет слушателям, почему он не хотел оставаться ни у Кирки, ни у Калипсо: «нет ничего слаще родины и родителей, даже если живешь далеко в изобильном доме в чужой земле отдельно от родителей» (IX.34). А Менелай рассказывает Телемаху, почему боги противились его возвращению на родину: «Боги всегда хотят, чтобы помнили об их повелениях» (IV.353).

Сентенция используется как способ выразить чувства благодарности, сочувствия или негодования. Так, пастух Филойтий, обратившись к нищему в доме Одиссея, выражает сочувствие тем, что с ужасом представляет себе, как и его царя могла постигнуть такая же участь: «боги унижают странников, коль скоро и царям они выпрядают несчастья» (XX.195).

Некоторые персонажи используют сентенцию, чтобы более оскорбить противника. Когда козопас Меланфий набросился с оскорблениями на Евмея и нищего, Евмей обращается с молитвой к нимфам ускорить возвращение Одиссея, который бы расправился с козопасом. Свою молитву он заканчивает оскорблением противника «Плохие пастухи портят стада» (XVII.246).

В трех ситуациях персонаж, обращаясь к собеседнику, занимающему зависящее от него положение, обращается к нему с наставлением. В такой речи функция сентенции – дидактическая функция. Так Навсикая отвечает на речь Одиссея, в которой он, щедро одарив девушку комплиментами и пожеланиями счастья, просит у нее одежду и спрашивает дорогу в город. Навсикая, отметив разумность странника и сделав вывод о его благородном происхождении, говорит Одиссею, что он должен терпеть страдания, потому что превратности судьбы находятся в воле Зевса. (VI.188)

Небольшое количество сентенций в поэме являются результатом рассуждения героя над сложившейся ситуацией, поэтому функцию таких сентенций можно назвать резюмирующей. Когда странник отказывается прийти к Пенелопе, надеющейся у него разузнать что-нибудь об Одиссее, она строит предположения, почему нищий не принял ее приглашение. Поскольку она считает, что основным мотивом отказа для него является стыд, она полагает, что ему, должно быть, трудно живется, но выражается эта мысль в форме обобщения: «Из стыдливого человека получается плохой нищий» (XVII.578).

Наконец, шесть сентенций появляются в речах персонажей либо в конце, либо в начале их речи, при этом служат либо для того, чтобы начать рассказ, либо употребляются для того, чтобы положить конец разговору. В данном случае можно говорить о композиционной функции сентенции. В такой роли мы встречаем сентенцию, которая предваряет рассказ Одиссея о его страданиях и невероятных приключениях: «нет ничего приятней, чем когда всем народом владеет радость. Пирующие, сидя друг подле друга, в домах слушают певца, а рядом столы, полные хлеба и мяса; черпая из кратера, виночерпий разносит вино и разливает по кубкам» (IX.5).

Функции сентенции в тексте поэмы определяет не только характер сюжетных ситуаций, но и временная соотнесенность содержания рассказа с моментом речи. Поскольку сюжет «Одиссеи» представлен как рассказ в рассказе, значительная часть содержания поэмы (странствия Одиссея, Менелая и Нестора) отнесена в прошлое по отношению к событиям, которые являются обрамлением представленной в рассказах персонажей истории. Рассказ героя о прошедших событиях можно представить в двух планах: первый ориентирован на его слушателей, второй план – это речи героев рассказа. В «Одиссее» в рассказах о прошлом сентенции чаще выступают в роли комментария, то есть адресованы именно окружению рассказчика.

Проникновение сентенции в речи различного характера, в том числе в речь повествователя, говорит о том, что сентенция как художественный прием является органичной чертой стиля поэмы. Это подтверждается и тем, что сентенции встречаются в речах персонажей, которые являются действующими лицами *внесюжетных* ситуаций, например боги из песни Демодока и Посейдон в рассказе Тиро. И даже здесь, хотя сентенций немного, все они выполняют каждая свою функцию.

В шестом параграфе рассматривается другая особенность употребления сентенций в «Одиссее» – повторы восьми сентенций в тексте поэмы¹³. Повторяющиеся сентенции всегда воспроизводятся в этой поэме в идентичных ситуациях (даже один персонаж может дважды произнести одну и ту же речь, в состав которой входит сентенция), и при повторе функция сентенции не меняется. Несомненно, это связано с тем, что качественно остается прежним состав действующих лиц: разговаривают отец и сын, гость и хозяин, сын и мать и т.д. Единственное изменение происходит там, где расстановка сил становится иной: состав участников сцены «царевна – служанки – странник» изменился на «свинопас – странник» (VI.207 и XIV.57).

¹³ IV.379 = IV.468, V.103 = V.137, VII. 310 = XV.71, IV.837 = XI.464, XVI. 294 = XIX.13, VI.207 = XIV.57, XVIII.174 = XIX.120, I.358 = XXI.352

Иными словами, в «Одиссее» обмен речами подчиняется регламенту, подходящему к каждой ситуации, и функция сентенций в речи персонажей зависит как от ситуации, так и от состава ее участников. Так же на употреблении сентенций отражается связь того или иного типа речи со способом сюжетной организации поэмы.

Четвертая глава диссертации посвящена сравнительному изучению функций сентенций в «Илиаде» и «Одиссее». Поскольку употребление сентенций, как было показано в двух предыдущих главах, связано с характером сюжетных ситуаций, составом их участников и временной организацией повествования, компаративный анализ проводится с учетом особенностей сюжетосложения, организации художественного времени и жанровых особенностей каждой поэмы.

В сюжетосложении «Илиады» и «Одиссеи» можно обнаружить как черты сходства, так и глубокие различия. В «Илиаде» 10 лет осады Трои показаны сквозь призму событий последнего, десятого войны, которые охватывают 51 день, но из речей персонажей мы узнаем и о причинах войны, и о том, что до нее в Трою приезжали Менелай с Одиссеем, и о многочисленных пророчествах, данных героям при сборах на войну, а также о том, что после описанных событий в поэме главного героя, Ахилла, ждет гибель. В «Одиссее» сюжетное время ограничивается 40 днями последнего, десятого года странствий героя, которые проходят с момента совета богов и посещения Афиной Итаки до примирения итакийцев после расправы над женихами. Между тем десять лет скитаний, которые составляют фабулу произведения, показаны в рассказе самого Одиссея на последнем его этапе возвращения домой.

Однако на этом сходство в построении сюжетов двух поэм заканчивается. Сюжет «Илиады» сконцентрирован вокруг одного эпизода – ссоры Ахилла и Агамемнона и ее последствий, он развивается линейно, и вся предшествующая история войны становится известна благодаря отдельным вкраплениям в основное повествование, будь то каталог кораблей или предсказание Калхаса о десятилетней осаде Трои.

Сюжет «Одиссеи» относится к другому типу, это так называемый хроникальный сюжет, где, в отличие от концентрического сюжета, связанного с развитием одной-единственной сюжетной линии, сосуществуют несколько равноправных линий, разворачивающихся вокруг разных событий.

Другой существенной чертой, отличающей сюжет «Одиссеи» от сюжета «Илиады», является организация повествования как рассказ в рассказе: о долгих странствиях Одиссея мы узнаем из его рассказа на вечернем пиру во дворце у Алкиноя. Поскольку 4 песни (IX–XII) – это рассказ Одиссея о его странствиях, так называемая ретроспектива, то Одиссей

выступает в двух ипостасях: Одиссей-герой повествования и Одиссей-рассказчик. Жизнь героев «Одиссеи» проходит в двух временных пластах, один из них (прошлое рассказа) поддается оценке, комментированию со стороны рассказчика, служит способом показать себя, а другой – настоящее, в котором живут гомеровские герои, изображается повествователем как эпическое прошлое. В связи с этим сентенции, встречающиеся в речах персонажей, не только обозначают ситуации, относящиеся к настоящему, как это происходит в героической «Илиаде» (например, на советах, принимая решения, или в битве, ободряя воинов) – в «Одиссее» сентенции относятся и к прошедшим событиям, и тогда их функция состоит в том, чтобы *комментировать* случившееся.

На характер развития действия повлиял не только способ сюжетной организации, но и жанровые особенности произведений: в героической «Илиаде» предметом изображения являются военные подвиги героев и, хотя конфликт проистекает из противостояния вождей-союзников, в центре повествования находятся битвы противоборствующих сторон. Поэтому базовые сюжетные ситуации «Илиады» можно представить как «Битвы» и «Между битвами». В авантюрно-приключенческой «Одиссее» основным достоинством героя оказывается не только и не столько его физическая мощь, сколько интеллектуальное превосходство. Как и герои «Илиады», герои «Одиссеи» ищут славы, но это слава иного рода: это признание разумности и добропорядочности. Так, Афина посылает Телемаха в Спарту и Пилос, чтобы он снискал себе славу среди друзей Одиссея, а Пенелопа, принимая в своем доме странника и оказывая ему знаки внимания, говорит, что гостеприимство приносит людям добрую славу. Соответственно, конфликт в «Одиссее» носит совершенно иной характер. Как показывают исследования, сюжет «Одиссеи» опирается на два фольклорных мотива: поиски отца сыном и прибытие мужа (жениха) на свадьбу жены (невесты), которые приобретают у Гомера новую глубокую трактовку.¹⁴ Движущим фактором в развитии сюжетной линии «возвращение Одиссея» служит страстное желание героя оказаться на родине. Поскольку на протяжении всей поэмы ощущается противопоставление странствий и жизни в родном доме (в том числе на уровне тематики сентенций), важным для выделения базовых сюжетных ситуаций «Одиссеи» является признак, который можно назвать географическим, хотя по сути он связан с обретением желанной цели.

¹⁴ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. – М.: Лабиринт, 2002, с. 31, Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997, с. 232, Ярхо В.Н. «Одиссея» – фольклорное наследие и творческая индивидуальность // Гомер. Одиссея М.: Наука, 2000, с. 289 – 329

Принадлежность «Илиады» и «Одиссеи» к разным вариантам эпоса не только обусловила различие в характере соотношения сюжетных ситуаций, но и повлияла на особенности системы персонажей каждой поэмы. Если герои «Илиады» - это вожди и боги, то в «Одиссее» не только работники и домашняя челядь фигурируют как заметные персонажи, но, что гораздо знаменательней, в некоторых эпизодах они обретают голос в своей совокупности. И группа персонажей, будь то женихи, боги или циклопы, вступает с героем в диалог, дает герою совет или оценивает его поступки, используя для этих целей объективизирующие высказывания (в чем, возможно, наблюдаются элементы, характерные для будущего драматического жанра).

Употребление сентенций в речах отдельных персонажей не является типизированным приемом. Главный герой «Илиады» Ахилл вовлечен равным образом в разные типы сюжетных ситуаций, и сентенции встречаются в его речах как на советах, так и в битве. Ситуации, в которых Ахилл произносит сентенции, всегда связаны с его личными переживаниями (на поединке это самовосхваление, при переговорах – отстаивание собственной позиции разгневанного человека) или вызваны нахлынувшими воспоминаниями об отце. Потеря друга комментируется два раза, но ни разу мы не встречаем Ахилла ободряющим войско.

В «Илиаде» сентенции Агамемнона всегда обращены к группе персонажей: в речах, произносимых в ситуации «Битвы», они служат средством эмоционального воздействия и употребляются царем для ободрения войска; в тех речах, что произносит Атрид на собраниях, семь сентенций употребляются как средство убеждения.

В отличие от Агамемнона и Аякса, которые ободряли воинов сентенцией, говорящей о военной доблести (V.531, XV.563), Гектор ободряет воинов, указывая на слабость врага, посланную Зевсом (XV.489).

Нестор, самый опытный и мудрый герой Гомера, в «Илиаде» выступает как советчик, от мнения которого зависит стратегия битвы, в связи с чем сентенция в его речи в основном играет роль средства убеждения; в «Одиссее» перед нами радушный хозяин, давний друг отца Телемаха, принимающий у себя в гостях юношу. Нестор рассказывает Телемаху о возвращении из-под Трои и судьбах отдельных героев, и потому сентенции, встречающиеся в его речи, выполняют оценочную функцию с оттенком резюме и комментария к рассказу.

Одиссею принадлежит не только самое большое количество сентенций «Одиссеи» (37), но и как персонаж «Илиады» он произносит больше сентенций, чем кто-либо другой (16). Благодаря более позднему вхождению героя в цикл троянских сказаний в образе Одиссея можно видеть черты, объединяющие как героизм древнего эпоса, так и более

поздние достоинства. Он один из самых храбрых и жестоких воинов, и он же более всего ценит мирную жизнь в кругу семьи и процветающего народа, преодолевает невероятные препятствия, чтобы стремиться попасть на родину и встретиться с семьей; Одиссей как искусный оратор использует *сентенцию* в качестве *средства убеждения* в разных ее вариантах: это и мотивировка совета, предложения, просьбы, возражения, оправдания, и оценка чужого поступка, и основание для дальнейших действий героя. При этом цель, которую он преследует, – вернуть ситуации утраченное равновесие, вернуть поступки героев в русло «должного». И это верно как для «Илиады», так и для «Одиссеи», где он возвращается домой и восстанавливает утраченное течение жизни. В «Одиссее» его речь не только способна оказать влияние на персонажей и на их поступки, но и является способом организации сюжета: значительная часть повествования ведется от первого лица. Соответственно, роль сентенций в его речи не ограничивается *средством убеждения*: здесь встречается и *комментарий* к действию, и *пояснение* позиции, и сентенция как *композиционный прием*.

Если в речах гомеровских героев сентенции встречаются часто и должны придать мысли характер общезначимости и тем самым объективности, то в речи повествователя сентенции встречаются крайне редко (3 раза в «Илиаде» и 2 раза в «Одиссее»). Несмотря на то, что эта группа сентенций совсем мала, в ней просматривается определенная закономерность: выполняя роль комментария, сентенции повествователя «Илиады» употребляются в сочетании с оценочными эпитетами и выражают отношение автора к своему герою, в то время как в «Одиссее» сентенции повествователя призваны объяснить слушателю неправдоподобные ситуации, когда этого не могут сделать действующие лица.

Функции сентенций в «Илиаде» и «Одиссее» связаны также с такой важной для гомероведения проблемой, как повторы и формулы в гомеровском эпосе. Сентенции дают для ее изучения хотя и не очень обширный, но показательный материал. Семь повторяющихся сентенций «Илиады» не так жестко связаны с ситуацией употребления, как восемь сентенций «Одиссеи»; они воспроизводятся в различных типах сюжетных ситуаций, и потому при повторе сентенции в «Илиаде» мы можем чаще наблюдать изменение ее функции. Иначе в «Одиссее», где сентенции повторяются в идентичных ситуациях, в составе повторяющихся пассажей, и потому сохраняют свою функцию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что повтор сентенции в гомеровском эпосе не является однообразным и одноплановым приемом.

В **заключении** подводятся итоги и обобщаются **выводы** проделанного исследования.

О значимости сентенции как стилистического приема в гомеровском эпосе говорит частота случаев ее употребления: 109 сентенций в «Илиаде» и 135 – в «Одиссее». Суть его состоит в том, что сентенция, будучи высказыванием с обобщающим значением, служит способом объективизации мысли персонажа. И роль этого художественного приема, как стало ясно в ходе исследования, в гомеровских поэмах к одной единственной функции не сводится.

Принципы употребления сентенций в речи персонажей и повествователя «Илиады» и «Одиссеи» обусловлены:

1. сюжетными ситуациями, связанными с *жанровыми* особенностями каждой поэмы
2. составом участников сюжетной ситуации;
3. типом сюжета, и способом протекания эпического времени в поэме

Сюжетные ситуации, в которых встречаются те или иные сентенции, в значительной мере определяют функцию сентенции. В базовых сюжетных ситуациях «Илиады» «Битвы» роль сентенций не столь разнообразна, как в ситуациях «Между битвами», а характерной функцией сентенции именно для первого типа ситуаций является эмоциональное воздействие на соратника или соперника. «Одиссее», в которой базовые сюжетные ситуации не столь сильно различаются, свойственно не качественное отличие функций сентенций, а количественное распределение сентенций по функциональным группам. Так, в ситуации «Пребывание героя на родине» превалирует сентенция как средство убеждения, а в ситуации «Пребывание героя на чужбине» количество сентенций, поясняющих позицию героя и выступающих в качестве средства убеждения, практически одинаково. Это различие в значимости функций сентенций обусловлено функцией самих сюжетных ситуаций в развитии действия поэмы и зависит, соответственно, от состава участников той или иной ситуации. Характером сюжетных ситуаций объясняется тот факт, что хотя основной функцией сентенции в гомеровском эпосе является функция средства убеждения, в «Илиаде» сентенции в этой роли употребляются намного чаще, чем в «Одиссее»: в «Илиаде» они составляют чуть больше 3/4 корпуса сентенций, а в «Одиссее» чуть больше половины.

В «Одиссее» сентенция имеет иные функции, нежели в «Илиаде», и это связано в первую очередь с характером сюжетных ситуаций. Так, в «Одиссее» сентенция практически не используется как средство эмоционального воздействия. В «Илиаде» сентенции в этой роли встречаются в батальных сценах и служат для распаления боевого духа у воинов. Кроме того, в «Одиссее» не встречаются сентенции, целью которых является выражение тягостного чувства, как это было в «Илиаде» в ситуации

«Оплакивание». Развитие действия «Одиссеи» как рассказ в рассказе, а также обилие второстепенных и обманных рассказов о прошлом обусловило важность сентенции в роли пояснения, комментария и резюме в этой поэме.

Характер сюжетной ситуации определяется составом ее участников. В авантюрно-приключенческой «Одиссее» по сравнению с героической «Илиадой» меняется социальный состав системы персонажей, появляется голос у группы персонажей.

Сентенции в речи повествователя употребляются редко в обеих поэмах, и это связано с двумя жанрово-стилистическими особенностями гомеровского эпоса. *Во-первых*, объективностью эпического повествования, предполагающей отсутствие авторской личности с ее оценками и пристрастиями. Отстраненность повествователя не раз нарушается, и в случае с сентенциями это особенно заметно на примерах из «Илиады», где сентенции повествователя сочетаются с оценочными эпитетами, которые он дает персонажам. *Во-вторых*, в гомеровском эпосе на разных уровнях проводится разделение языка героя и повествователя, и мы можем утверждать, что сентенций еще потому так мало в речи повествователя, что они часто встречаются в речах его героев. Таким образом, использование сентенций в речах персонажей является способом создания и сохранения дистанции между повествователем и его аудиторией – с одной стороны и с героическим миром – с другой.

Также распределение функций сентенций в тексте в значительной степени обусловлено способом развития действия: в «Илиаде» оно развивается линейно, в «Одиссее» изложение событий имеет форму ретроспективного рассказа. Благодаря тому, что герой является одновременно и рассказчиком, время повествования в «Одиссее» распадается на два пласта: эпическое прошлое повествования и в нем – прошлое по отношению к моменту, в котором находится герой-рассказчик. В связи с этим сентенции, встречающиеся в речах персонажей, не только обозначают ситуации, относящиеся к настоящему, как это происходит в героической «Илиаде» (например, на советах, принимая решения, или в битве, ободряя воинов) – в «Одиссее» сентенции относятся и к прошедшим событиям, и тогда их функция состоит в том, чтобы *комментировать* случившееся.

Функции сентенции в гомеровском эпосе связаны с проблемой повторов. Анализ пятнадцати повторяющихся сентенций «Илиады» и «Одиссеи» приводит к выводу о том, что повтор сентенции в гомеровском эпосе не является однообразным и одноплановым приемом.

Итак, на основании проделанного анализа можно заключить, что употребление сентенций в «Илиаде» и «Одиссее» является сложным полифункциональным приемом,

выполняющим важную роль в эпическом тексте. Применение этого приема обусловлено разнообразием художественного стиля Гомера и жанровыми особенностями гомеровских поэм.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Сентенции в поэме Гесиода «Труды и дни»: Дидактика и риторика // Вопросы классической филологии. Вып. 13. – М.: МАКС Пресс, 2003 – С. 116 – 127
2. **Функции сравнений в речи персонажей «Илиады» // Вестник МГУ, серия Филология № 1, 2007. – С. 95 – 104**
3. Образы природы в сентенциях «Илиады» // Мовні і концептуальні картини світу. Вып.21, Ч. 2. – Київ: «Київський університет», 2007 – С. 260 – 264
4. Особенности употребления повторяющихся сентенций в гомеровском эпосе // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Изд-во МГУ, 2007 – С. 204 – 206
5. Связь функции сентенции и ситуации употребления в гомеровском эпосе // Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева». Бюллетень. Вып.6. – М.: Водолей Publishers 2007 – С. 68 – 70
6. Термины «гнома» и «сентенция» в античной риторической теории // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы шестых Андреевских чтений. – М.: Экон-Информ, 2008 – С. 209-214
7. Сентенции в речи повествователя гомеровских поэм // ВДИ, 2009 №1 (в печати)